ГБ57
К363

М. Н. КАТКОВЪ.

О ПЕЧАТИ.

„Обращаться съ словомъ нужно честно: оно есть высшій подарокъ Бога человѣку".

(Гоголь).

„Свободное мнѣніе въ Россіи есть надежнѣйшая опора свободной власти—ибо въ союзѣ этихъ двухъ свободъ заключается обоюдная крѣпость земли и Государства".

Аксаковъ).

Цѣна 30 коп.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.
1905.

М. Н. КАТКОВЪ

О ПЕЧАТИ.

„Обращаться съ словомъ нужно честно: оно есть высшій подарокъ Бога человѣку".

(Гоголь).

„Свободное мнѣніе въ Россіи есть надежнѣйшая опора свободной власти—ибо въ союзѣ этихъ двухъ свободъ заключается обоюдная крѣпость земли и Государства".

(Аксаковъ).

Экз

МОСКВА
ПЕЧАТНИ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
остоженка, савельевский пер., соб. д.
1905

П 1984
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2006

3692.

ГБ57
К363Р

10
16 46297
9

Дозволено цензурою. Москва, 15 января 1905 года.

Вмѣсто предисловія.

Явилось нѣчто такое, чего никогда не бывало на свѣтѣ, явилось русское публичное мнѣніе, русская политическая печать. Откуда взялось это явленіе, съ которымъ на первыхъ же порахъ приходится серіозно считаться? Русское общественное мнѣніе, русская политическая печать есть созданіе нынѣшняго царствованія. Намъ только случилось быть на пути, когда совершались событія вызвавшія мало-по-малу на свѣтъ эту новую силу; насъ только настигла она, и повлекла за собою. Намъ только досталась первинка новаго на Руси дѣла,— честь послужить на первыхъ порахъ серіознымъ органомъ русскаго мнѣнія. И мы высоко поставили эту честь. Мы положили всѣ наши силы на то, чтобы по возможности соотвѣтствовать требованіямъ обстоятельствъ, среди которыхъ приходилось намъ дѣйствовать. Другіе, болѣе насъ способные, могли бы дѣйствовать лучше насъ, но нельзя было дѣйствовать усерднѣе и съ болѣе серіознымъ чувствомъ долга. Политическій характеръ нашей дѣятельности поняли мы въ самомъ обязательномъ для себя смыслѣ, и ни на минуту не забывали чего требуетъ отъ всякаго честнаго человѣка дѣятельность политическаго свойства. Мы немедленно отказались бы отъ ней, еслибы почувствовали, что не можемъ вести ее въ строгомъ соотвѣтствіи съ долгомъ

русскаго подданнаго. Обстоятельства нашего развитія, особенности нашего личнаго положенія, къ счастію, не затрудняли, а облегчали нашу задачу съ ея нравственной стороны. Мы могли относиться ко всѣмъ возможнымъ интересамъ съ полнымъ безпристрастіемъ и полною независимостію, потому что ни въ одномъ не имѣли и не имѣемъ ни малѣйшей личной доли. Обо всемъ подвергавшемся публичному обсужденію могли мы судить исключительно съ точки зрѣнія русской государственной пользы. Наши мнѣнія могли быть ошибочны, но мы не прежде рѣшались высказать то или другое, какъ убѣдившись, что оно соотвѣтствуетъ интересамъ Россіи, и чѣмъ глубже убѣждены были въ этомъ, тѣмъ рѣшительнѣе и настойчивѣе считали своимъ долгомъ высказываться. Насъ укоряютъ въ горячности, съ которою мы высказываемся. Въ усиліяхъ, которыя употребляемъ мы для того, чтобы явственнѣе выставить вопросъ подлежащій обсужденію, въ настойчивости, съ которою мы обращаемся къ одному и тому же, хотятъ видѣть нашу притязательность или нетерпимость; но пусть пересмотрятъ тѣ вопросы, по которымъ случалось намъ высказывать наши мнѣнія; ни съ однимъ изъ нихъ не связано ни наше честолюбіе, ни какой-либо иной личный интересъ: мы говоримъ это во всеуслышаніе; пусть кто можетъ уличитъ насъ въ неправдѣ. Во многихъ случаяхъ, можно сказать въ большей части случаевъ, почти во всѣхъ, русскому публицисту было бы легче, безопаснѣе и привольнѣе дѣйствовать во всякомъ другомъ, только не въ русскомъ государственномъ интересѣ: такъ еще странно поставлено въ Россіи ея національное дѣло. Мы никогда не добивались популярности черезъ потворство господствующимъ мнѣніямъ. Большею частію намъ приходилось высказываться наперекоръ тому, что было въ модѣ, и за то подвергаться

поруганіямъ,—точно также какъ приходилось высказываться наперекоръ тому, что могло нравиться вліятельнымъ лицамъ, и тѣмъ навлекать на себя весьма серіозныя непріятности. Ни съ однимъ изъ тѣхъ лицъ, съ кѣмъ приходилось намъ сталкиваться въ сужденіяхъ, не были мы ни въ какихъ личныхъ счетахъ. Самымъ пріязненнымъ отношеніямъ никогда мы не дѣлали ни малѣйшей уступки ни въ смыслѣ, ни въ тонѣ нашихъ сужденій. Насъ упрекаютъ въ упрямствѣ и злопамятствѣ: предоставляемъ судить объ этихъ нашихъ свойствахъ людямъ, знающимъ насъ изъ личныхъ отношеній; что же касается до нашей публичной дѣятельности, о которой только и стоитъ говорить, то мы ни мало не думаемъ протестовать противъ этого укора. Мы полагаемъ, что черное назовемъ мы упорно чернымъ завтра какъ нынче; мы полагаемъ, что дурное не становится лучше отъ того, что оно длится долѣе, и обманъ не становится честнѣе отъ того, что продолжаетъ дѣйствовать и прибѣгать къ новымъ уловкамъ. Въ дѣлахъ общаго интереса никто не имѣетъ права быть уступчивымъ. Говорятъ, что въ борьбѣ съ нашими противниками мы неразборчивы и прибѣгаемъ даже къ доносамъ. Нѣтъ, никто не осмѣлится сказать, чтобы мы нарушили чье-нибудь довѣріе и выдали чью-нибудь тайну — не только властямъ, но и кому бы то ни было. Ловкіе люди называютъ насъ доносчиками за то, что мы обличаемъ ихъ публичные обманы: они хотятъ, чтобы никто не считалъ себя въ правѣ раскрывать сущность мнѣній, которыя ими самими высказываются во всеуслышаніе; они хотятъ, чтобы никто не смѣлъ оцѣнивать по достоинству ихъ общественныя дѣйствія, которыя у всѣхъ на виду; они хотятъ, чтобы всѣ отступали передъ зажигателемъ и воромъ, уважительно давали имъ дорогу, и такимъ образомъ были ихъ пособниками. Даже

протестъ противъ злоупотребленій правительственной власти ловкіе люди хотятъ причислить къ категоріи доносовъ.

Новизна русскаго публичнаго мнѣнія, русской политической печати придала, весьма естественно, необыкновенное значеніе нашей дѣятельности. Однимъ это явленіе должно казаться пріятнымъ, другимъ оно досадно и ненавистно. До нынѣшняго царствованія не бывало политической печати, которая смотрѣла бы на все въ свѣтѣ русскихъ интересовъ.

Итакъ, противники наши — не наши противники. Не къ намъ лично относится ихъ вражда; она относится къ самому свойству той дѣятельности, которую мы, издатели *Московскихъ Вѣдомостей*, поняли серіозно. Имъ мѣшаетъ русская политическая печать, и они ея не любятъ; имъ неудобно, что въ Россіи публика смотритъ на вещи въ свѣтѣ русскихъ національныхъ интересовъ *).

Катковъ.

*) 1866 г. № 65.

1.

Истинный смыслъ свободы печати.

Въ вопросѣ о законныхъ обезпеченіяхъ печати, рѣчь, конечно, идетъ не столько объ интересахъ или удобствахъ нѣкотораго разряда лицъ, печатающихъ статьи и издающихъ журналы и газеты, сколько объ интересахъ и удобствахъ общества. Наша литература очень небогата, наша журналистика есть большею частію продуктъ искусственный; умственный трудъ полагаемый на это дѣло и капиталы въ немъ затраченные очень незначительны, и еслибы потребовалось только того, чтобъ устроить эту сферу интересовъ, то вопросъ о нашей печати не могъ бы съ этой точки зрѣнія имѣть особенную важность и принялъ бы весьма скромные размѣры. Но брать вопросъ съ этой точки зрѣнія, значило бы не давать себѣ яснаго отчета въ немъ. Законъ, который былъ бы послѣдствіемъ такого взгляда на печать, вовсе не соотвѣтствовалъ бы своему назначенію; онъ оставлялъ бы въ сторонѣ самую существенную часть дѣла и ограничился бы только самою незначительною и болѣе или менѣе случайною принадлежностью его. Вопросъ о нашей печати въ настоящее время есть вопросъ и важный, и не важный, смотря по тому, съ какой стороны мы возьмемъ его; и безъ всякаго сомнѣнія нельзя рѣшать этотъ вопросъ подъ угломъ интере-

совъ, не имѣющихъ важности, упуская изъ виду то, что даетъ ему истинный смыслъ, что опредѣляетъ его истинные размѣры, въ чемъ заключается вся его сила. Разсматривать всякій вопросъ надобно съ той точки зрѣнія, которая открываетъ его истинные размѣры, рѣшать его надобно въ виду самыхъ существенныхъ интересовъ, которыми опредѣляется относительная цѣнность и всѣхъ прочихъ соединяющихся съ нимъ интересовъ.

Вопросъ о печати понятый въ своемъ истинномъ смыслѣ, повторимъ, не есть интересъ какого-либо разряда, сословія или цеха людей. Печать, болѣе или менѣе свободная, огражденная закономъ, есть политическое право даруемое народу. Только въ такомъ смыслѣ вопросъ о печати можетъ имѣть существенную цѣну; только въ такомъ смыслѣ должно желать расширенія или обезпеченія свободы печати. Печать есть прежде всего элементъ публичности, вносимый въ государственную и общественную жизнь страны, потому что только печать сообщаетъ дѣламъ и словамъ окончательную публичность. Не въ томъ сила чтобы предоставить редакторамъ журналовъ возможность высказывать ихъ воззрѣнія и мнѣнія,—это дѣло второстепенное,—а главная сила заключается въ томъ, чтобы предоставить обществу знать и вѣдать свои дѣла въ общедоступномъ, полномъ и точномъ отраженіи печати. Было бы не только несправедливо, но и крайне неблагоразумно предоставлять льготу публичнаго выраженія мнѣній нѣсколькимъ десяткамъ лицъ, пишущимъ статьи или издающимъ журналы, и оставлять во тьмѣ или въ сумракѣ акты политической жизни страны и ея общественные интересы. Большая или меньшая свобода и самоотвѣтственность въ выраженіи мнѣній, предоставляемая журналистамъ, можетъ быть полезна лишь въ той мѣрѣ, въ

какой предоставляется организованнымъ обществамъ въ государствѣ, подъ собственною отвѣтственностію, предавать печати свои слова и дѣйствія. Свобода мнѣній должна опираться на серіозной гласности, сопровождающей общественную жизнь. Безъ этого условія печать будетъ по отношенію къ обществу явленіемъ фальшивымъ и неправильнымъ. Вмѣсто того чтобы служить органомъ общественнаго мнѣнія и способствовать его образованію и развитію, печать безъ надлежащей публичности общественныхъ дѣлъ будетъ только портить общественное мнѣніе, затемнять его, или, лучше сказать, будетъ обманчивою замѣной общественнаго мнѣнія. Печатное слово есть великая сила, особенно въ листкахъ періодической печати, быстро разносящихся повсюду. Мнѣніе высказанное въ печатномъ листкѣ, разомъ занимаетъ собою сотни и тысячи умовъ; въ одно и то же время множество людей, имѣя предъ глазами одно и то же слово, подвергаются одному и тому же дѣйствію. Представимъ же себѣ, что печать служитъ средствомъ только для выраженія мнѣнія людей, которые случайно поставлены близко къ ней, мнѣнія нѣсколькихъ десятковъ людей, избравшихъ своею профессіей журнальное дѣло, привыкшихъ къ перу и имѣющихъ возможность немедленно отправить написанное въ типографію и завтра выпустить свое слово въ свѣтъ; между тѣмъ какъ цѣлое общество, въ которомъ вся сила, для котораго издаются журналы и газеты, лишено возможности съ достаточной полнотой заявлять въ печати происходящія въ немъ дѣйствія или мнѣнія, въ которыхъ высказываются существующіе въ немъ интересы; можно ли признать такое положеніе дѣлъ нормальнымъ?

Рѣчь идетъ о томъ, чтобъ освободить нашу печать отъ предварительной цензуры, оказывающейся несосто-

ятельною при тѣхъ размѣрахъ и томъ значеніи, которые принимаетъ наша печать въ настоящее время. Предварительная цензура могла имѣть смыслъ только въ то время, когда печать находилась въ полномъ разобщеніи съ окружающею дѣйствительностію, когда она не имѣла никакого отношенія къ практическимъ интересамъ, когда политической печати не существовало. Но какъ только допущено сужденіе по разнымъ сферамъ общественной жизни, какъ только возникла потребность публичности, какъ только печать пришла въ соприкосновеніе съ интересами дѣйствительности, предварительная цензура очутилась въ положеніи неопредѣленномъ и двусмысленномъ. Она стала не только неудобною, но и вредною, и возникла настоятельная потребность замѣнить ее другимъ порядкомъ, который болѣе соотвѣтствовалъ бы новому положенію дѣлъ. Но теперь спрашивается, должна ли предварительная цензура прекратиться лишь по отношенію къ издателямъ книгъ, журналовъ и газетъ, или она должна прекратиться также и по отношенію къ тѣмъ сферамъ общественной жизни, ради которыхъ только и можетъ быть желательно развитіе печати, ради которыхъ только и можетъ быть желательно существованіе журналовъ и газетъ. Правда, съ вопросомъ о большей или меньшей свободѣ печати еще не рѣшается вопросъ о публичности той или другой сферы. Есть нѣкоторыя сферы государственныхъ дѣлъ, которыя лишены публичности и имѣютъ характеръ приватный или тайный; и какъ бы ни было желательно съ той или другой точки зрѣнія распространеніе публичности на тѣ сферы, которыя до сихъ поръ лишены ея, смѣшивать этотъ вопросъ съ вопросомъ о свободѣ печати нельзя: это два разные вопроса, которые хотя и выходятъ изъ одного источника, но въ рѣшеніи своемъ подчиняются различнымъ воззрѣніямъ. Совѣщанія, происходящія въ

государственномъ совѣтѣ, имѣютъ приватный характеръ и происходятъ втайнѣ. Постороннія лица не допускаются въ залу совѣщаній, и о томъ что происходитъ тамъ, въ публику проникаютъ лишь смутные слухи. Освобожденная отъ предварительной цензуры печать не пріобрѣтаетъ еще возможности давать гласность преніямъ, происходящимъ въ государственномъ совѣтѣ. Для того чтобъ эти пренія могли стать дѣломъ публичнымъ, потребовался бы особый законодательный актъ. Но есть сферы въ нашей политической жизни, гдѣ гласность или допущена, или даже поставлена необходимымъ условіемъ. По новому судебному положенію, судопроизводство должно совершаться гласно; публичность признана неотъемлемою и существенною принадлежностію судебныхъ преній. Сверхъ того у насъ есть организованныя собранія, имѣющія предметомъ своимъ дѣла общественныя; таковы дворянскія собранія, таковы новоучрежденныя земскія собранія. За этими собраніями также признанъ публичный характеръ. Какъ дворянскія такъ и земскія собранія отворяютъ свои двери для публики. Сотни людей могутъ присутствовать при ихъ совѣщаніяхъ. То что тамъ происходитъ не есть тайна, и не предназначается къ тому, чтобъ оставаться канцелярскою тайной. Дѣла публичнаго свойства, подлежащія этимъ собраніямъ, и ведутся въ нихъ публично, соотвѣтственно своей сущности. Что принадлежитъ публикѣ, то и происходитъ передъ публикой. Предсѣдатель собранія не имѣетъ надобности обращаться къ правительственнымъ властямъ за особымъ разрѣшеніемъ для того, чтобы допускать публику присутствовать при совѣщаніяхъ. Итакъ публичность есть неотъемлемое право и даже обязанность этихъ собраній. Будучи по существу своему публичными, они имѣютъ естественное право на печатное заявленіе своихъ совѣщаній и постановленій. Что про-

исходитъ передъ публикой, то входитъ въ публичную область, и стало-быть въ область печати. Въ какой мѣрѣ можетъ быть допускаемо обсужденіе дѣйствій этихъ собраній за дверьми, въ какой мѣрѣ посторонній публицистъ можетъ высказывать свои мнѣнія о томъ, что въ нихъ происходитъ, это особый вопросъ, который слѣдуетъ отличать отъ права принадлежащаго самому собранію заявлять въ печати свои совѣщанія, происходящія передъ публикой. Не допускать печатной гласности для такого рода дѣлъ, которыя происходятъ публично; было бы непослѣдовательностью и могло бы имѣть болѣе вредныя чѣмъ полезныя послѣдствія. Всѣ невыгоды гласности пали бы на эти дѣла, но она не доставила бы имъ ни одной изъ своихъ великихъ выгодъ. Публика знала бы о происходившемъ, но знала бы въ неточныхъ, неполныхъ и искаженныхъ пересказахъ. Даже лица, самолично присутствовавшія при совѣщаніяхъ, не имѣя возможности провѣрить свои воспоминанія и сообразить свои впечатлѣнія, не имѣя того пособія, какое можетъ представить только печать, будутъ по необходимости представлять себѣ дѣло въ невѣрномъ свѣтѣ и во многихъ отношеніяхъ могутъ ошибочно и превратно толковать его. Какая же выгода для общества отъ ошибочныхъ и превратныхъ толкованій? Можетъ ли при такомъ условіи организоваться сколько-нибудь правильное, полезное и плодотворное общественное мнѣніе? Не значило ли бы это способствовать заблужденіямъ, недоразумѣніямъ, невольнымъ искаженіямъ и умышленнымъ обманамъ? Не значило ли бы это вносить въ общественную жизнь смуту, ни въ какомъ случаѣ не желательную, если имѣть въ виду интересъ дѣла и государственную пользу? Полугласность хуже негласности; полную же гласность можетъ сообщить дѣлу только печать. Итакъ, тѣ организованныя собранія

и вообще тѣ сферы, гдѣ публичность допущена въ основаніи и гдѣ дѣйствительно присутствуетъ публика, по тому самому не только могутъ, но и должны заявлять свои акты въ печати. Теперь спрашивается: при освобожденіи отъ предварительной цензуры, должна ли предварительная цензура еще оставаться закономъ для тѣхъ общественныхъ сферъ, гдѣ допущена гласность? Если журналистъ будетъ имѣть право печатать свою статью безъ предварительной цензуры, то неужели само общество, или собраніе организованное на самыхъ существенныхъ и почтенныхъ интересахъ общества, состоящее изъ законныхъ представителей существующаго порядка вещей, говорящихъ и дѣйствующихъ не только по праву, но и по призванію и обязанности, должно оставаться подъ ферулой предварительной цензуры? Если мнѣніе должно имѣть право являться въ печати безъ предварительной цензуры, то неужели мнѣніе уже высказанное публично и стало-быть имѣющее силу факта, — притомъ высказанное не на уличномъ перекресткѣ, не въ случайной толпѣ, а въ правильно организованномъ собраніи, имѣющемъ свои уставы и состоящемъ изъ лицъ способныхъ нести на себѣ всякую отвѣтственность,—должно быть заявляемо въ печати не иначе какъ съ разрѣшенія предварительной цензуры, со стороны мѣстной власти? Неужели напримѣръ губернаторъ долженъ быть цензоромъ актовъ земскаго или дворянскаго собранія для пропуска ихъ въ печать? Неужели политическая льгота должна предоставляться не народу, не классамъ общественнымъ, а горсти людей ничего собою не представляющихъ? Свобода печати, повторимъ, имѣетъ смыслъ какъ льгота, даруемая цѣлому обществу, въ которой журналисты могутъ принимать участіе, но которая отнюдь не можетъ принадлежать имъ какъ ихъ исключительная привилегія, долженствующая

возносить ихъ надъ всею совокупностію общественныхъ силъ съ ихъ правами и интересами.

Очень можетъ случиться, что въ томъ или другомъ собраніи будетъ сдѣлано или сказано что-нибудь несогласное съ закономъ: пусть же собранія и отвѣчаютъ за свои неправильности, но фактъ остается фактомъ, и нѣтъ надобности скрывать его, особенно если нѣтъ возможности скрыть его, такъ какъ онъ совершился публично. Что бы ни произошло въ правильно организованномъ собраніи, какимъ бы фактомъ ни ознаменовалась общественная жизнь, все входящее въ область публичности должно по преимуществу принадлежать печати, и если выраженію мнѣній предоставляется свобода, то тѣмъ болѣе должно быть предоставляемо право заявленія публичнаго факта. Къ чему послужитъ свобода печати, еслибы общество, для котораго печать существуетъ, должно было въ своихъ публичныхъ актахъ подлежать предварительной цензурѣ? Какъ при такихъ условіяхъ слагалось бы общественное мнѣніе? Какой характеръ при такихъ условіяхъ принимала бы политическая жизнь въ странѣ? Если печатаніе актовъ организованнаго собранія должно подлежать какой либо цензурѣ, то естественно чтобы цензура въ этомъ случаѣ принадлежала самому собранію, а не какимъ либо постороннимъ властямъ *).

2.

Свобода печати.

Совершенно новое положеніе, въ которомъ теперь очутилась наша печать, вызываетъ разныя размышленія

*) 1865 г. № 64.

и соображенія, и прежде всего возникаетъ вопросъ о правительственныхъ субсидіяхъ, получаемыхъ политическими органами. Свобода печати можетъ потерять значеніе при системѣ субсидій выдаваемыхъ изъ государственнаго казначейства той или другой частной газетѣ, касающейся политическихъ предметовъ. Государственною властью можетъ быть допускаемо или недопускаемо развитіе тѣхъ или другихъ мнѣній, существованіе той или другой партій, заявленіе того или другаго интереса; но въ предѣлахъ дозволяемыхъ и ограждаемыхъ закономъ, правительство не можетъ, безъ нарушенія справедливости, вмѣшиваться въ состязаніе противоположныхъ мнѣній, поддерживая, подкрѣпляя и усиливая одни въ ущербъ другимъ. Стѣснять и подавлять то что имѣетъ законное право на существованіе,— справедливо ли это? А не все ли равно стѣснять и подавлять непосредственно, или вступая въ союзъ съ противною партіей, вооружая и подкрѣпляя ее на государственный счетъ? Имѣется въ виду порядокъ, основанный на твердомъ законѣ и справедливости; всѣ великія преобразованія совершенныя нынѣ въ нашемъ отечествѣ клонятся къ этой цѣли. Народъ нашъ, въ своемъ развитіи, долженъ быть охраненъ твердымъ закономъ и ненарушимымъ правосудіемъ, — вотъ дорогія слова, слышанныя нами съ высоты трона и благодарно запечатлѣвшіяся въ сердцѣ каждаго Русскаго. Всякій интересъ, не противный государственной пользѣ, всякое законное право, всякое мнѣніе, согласное съ признанными и охраняемыми основами общественнаго порядка, не только не могутъ быть притѣсняемы и подавляемы правительственной силой, но должны быть ограждены твердымъ закономъ отъ произвола и насилія. Въ видахъ справедливости и законности, печати, какъ выраженію разныхъ общественныхъ и личныхъ интересовъ и мнѣній,

предоставляется свобода и самоотвѣтственность. Но всякій согласится, что система субсидіи заключаетъ въ себѣ не только возможность нарушенія справедливости, но уже есть дѣйствительное нарушеніе справедливости, коль скоро правительствомъ поддерживается и усиливается одно мнѣніе въ борьбѣ съ другимъ, не менѣе, если не болѣе, законнымъ.

Въ нашей газетѣ хотятъ видѣть органъ партіи, которую называютъ русскою, ультра-русскою, исключительно-русскою. Мы предоставляемъ всякому судить, въ какой мѣрѣ можетъ идти рѣчь о русской партіи въ Россіи. Принадлежать къ русской партіи въ Россіи не значитъ ли одно и тоже, что быть русскимъ подданнымъ, быть гражданиномъ русскаго государства? Служить органомъ для русскихъ интересовъ, не есть ли это обязанность всякаго русскаго политическаго органа? Мы отнюдь не думаемъ, чтобы кто-нибудь въ Россіи могъ претендовать на исключительную честь быть органомъ русскихъ интересовъ. Всякому предоставлено это право или, лучше сказать, на всякомъ лежитъ эта обязанность. Мы исполняемъ эту обязанность какъ умѣемъ, предоставляя другимъ исполнять ее лучше *).

3.

Право публичнаго обсужденія государственныхъ вопросовъ есть служеніе государственное.

Политическая печать въ Россіи есть дѣло новое. Россія стоитъ тысячу лѣтъ, но русскіе государственные интересы никогда не были предметомъ публичнаго обсу-

*) 1865 г. № 195.

жденія съ ихъ собственной точки зрѣнія. Если имъ случалось когда-нибудь бывать предметомъ публичнаго обсужденія, то развѣ только въ иностранной печати. Только иностранная печать формулировала для русскихъ людей взглядъ на русскія дѣла. Новая жизнь, которая открылась для Россіи въ нынѣшнее царствованіе, создала и русское общественное мнѣніе. И вотъ, въ обильномъ токѣ льготъ и правъ, явилась и печать освобожденная отъ предварительной цензуры.

Намъ довелось быть изъ первыхъ серіозныхъ органовъ силы, которой на Руси никогда не бывало и которая явилась только теперь, въ нынѣшнее царствованіе: вотъ первая причина того значенія, которое пріобрѣла наша дѣятельность. Были ли при этомъ обнаружены нами какія-либо личныя достоинства, это вопросъ второстепенный. Сущность дѣла въ томъ, что наша газета служила органомъ обсужденія русскихъ дѣлъ съ русской государственной точки зрѣнія.

Но плодотворно только то право, которое видитъ въ себѣ не что иное, какъ обязанность. Мало проку въ тѣхъ правахъ, которыя не чувствуютъ себя обязанностями. Право, которое не есть обязанность, оказывается мыльнымъ пузыремъ; ничего не выходитъ изъ него, и ни къ чему не ведетъ оно. Такое право есть не сила, а слабость. Общественное мнѣніе можетъ быть полезно и плодотворно, если мыслящіе люди проникнуты чувствомъ долга, и дѣйствуютъ не столько въ силу права, сколько въ силу обязанности. Нѣтъ пользы въ томъ, что я имѣю право то и то дѣлать, если я не чувствую себя обязаннымъ сдѣлать то, что можно.

Съ чувствомъ какого же долга естественно соединяется право публичнаго сужденія о предметахъ государственной важности? Каждый можетъ составлять себѣ произвольное понятіе о своемъ долгѣ. Но политическій

46297

дѣятель какъ въ административныхъ сферахъ, такъ равно и въ сферѣ общественнаго мнѣнія, не можетъ давать мѣста произволу въ опредѣленіи своего долга. Въ чемъ же заключается этотъ долгъ не допускающій произвола? Для политической печати, какъ и для всякой политической дѣятельности, это есть долгъ государственной присяги. Честная, достойная своего имени политическая печать должна быть ничѣмъ инымъ какъ постояннымъ, неуклоннымъ и неослабнымъ примѣненіемъ долга присяги, которая требуетъ, чтобы всякій радѣлъ о нераздѣльныхъ пользахъ Престола и государства, и не останавливаясь ни передъ какими соображеніями, противился всему, что можетъ угрожать имъ опасностью, или причинять имъ существенный вредъ. Можно ли придумать программу, которая могла бы болѣе соотвѣтствовать призванію политической печати? Она обнимаетъ все; подъ ея простую, краткую, ясную формулу подходятъ всѣ обязанности честной политической печати какъ и всякой политической дѣятельности. Какое право можетъ дать больше, чѣмъ даетъ этотъ долгъ?

Право публичнаго обсужденія государственныхъ вопросовъ поняли мы какъ служеніе государственное во всей силѣ этого слова. Когда мы приступали къ дѣлу, насъ не призывали къ присягѣ, но мы произнесли ее про себя, и произнесли съ полнымъ убѣжденіемъ. Долгъ съ нею соединенный поставили мы во главу нашей дѣятельности, и подчинили ему все. Онъ былъ жизненнымъ средоточіемъ нашихъ мнѣній по текущимъ дѣламъ; онъ былъ единственнымъ руководящимъ и возбуждающимъ началомъ нашей дѣятельности. Этимъ, и только этимъ, объясняется то значеніе, которое пріобрѣла наша дѣятельность. Въ этомъ вся ея сила, и если мы оказали какую-либо пользу, то единственно только потому, что долгъ этотъ былъ для насъ живымъ убѣжденіемъ.

Онъ усугублялъ наши силы, онъ оплодотворялъ нашу мысль, онъ давалъ зоркость нашему сужденію и цвѣтъ нашему слову, онъ поддерживалъ насъ въ борьбѣ, и въ немъ заключается тайна тѣхъ симпатическихъ отношеній, въ которыхъ находится къ намъ народное чувство.

Народное чувство обмануть нельзя, по крайней мѣрѣ нельзя обманывать его продолжительно. Еслибы въ нашей дѣятельности не видѣло оно вѣрнаго и искренняго служенія тому, что для него дорого и свято, то дѣятельность наша утратила бы всякое значеніе. Стоитъ намъ только, — не говоримъ измѣнить направленіе нашихъ мнѣній, а лишь понизить тонъ нашего слова, и тѣмъ обнаружить, что мы уступаемъ какому-либо постороннему побужденію, подчиняемся какому-либо ослабляющему вліянію, и все значеніе, которое приписываютъ нашей газетѣ и которое дѣйствительно она имѣетъ, исчезнетъ само собою *).

4.

Признаки возвращенія печати къ прежнему стѣсненному положенію.

Миновало не болѣе двухъ лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ печать была освобождена отъ предварительной цензуры, и вотъ уже кратковременная свобода ея подвергается вопросу, и рѣчь идетъ не о томъ, чтобъ освободить ее отъ французскихъ предостереженій, а возвратить ее въ первобытное ничто, въ состояніе подцензурное, изъ котораго она только что вышла. Случилось такъ, что она вдругъ лишилась права отвѣчать за себя, и снова

*) 1866 г. № 151.

подчиняется опекѣ административныхъ лицъ въ сферѣ одной изъ важнѣйшихъ своихъ обязанностей. Независимая печать, въ краткій періодъ своего существованія, какъ признаютъ всѣ, успѣла принести нѣкоторую пользу государственнымъ интересамъ Россіи, между тѣмъ какъ система предварительной цензуры, которая дотолѣ господствовала, привела насъ къ умственному и нравственному банкротству, къ упадку общественнаго духа, къ смутѣ всѣхъ понятій и къ господству грубыхъ лжеученій, которыя повсюду распространили свою отраву. Тѣмъ не менѣе, при первомъ возникшемъ вопросѣ, печать подцензурная получила предпочтеніе предъ печатью самоотвѣтственною. Какъ извѣстно, наша печать лишилась права передавать подъ своею отвѣтственностію отчеты о происходящемъ въ общественныхъ и сословныхъ собраніяхъ. Для насъ это равносильно запрещенію, потому что подъ цензуру мы не возвратимся ни въ чемъ и ни за что.

Ходятъ слухи, что партія, которой ненавистны реформы обновляющія Россію и особенно печать, пользуясь первою брешью, хлопочетъ о томъ, какъ бы незамѣтно отнять у ней еще нѣкоторыя сферы, и такимъ образомъ привести ее въ совершенное отчаяніе и подготовить возвращеніе къ старому порядку.

Мы не должны однако предаваться малодушному унынію. Ничто не обходится безъ временныхъ недоразумѣній и уклоненій. Надежнымъ и вѣрнымъ обезпеченіемъ всего лучшаго для насъ остается та же самая Державная Воля, которой отечество наше обязано всѣмъ лучшимъ въ настоящее время, и которая, вѣрнѣе чѣмъ всякое тщательно формулированное право, до сихъ поръ ограждала и обезпечивала независимость мнѣнія въ нашей печати, несмотря на французскіе порядки, которыми она обставлена. Благодаря этому верховному обезпеченію, печать у насъ могла быть также независима въ своихъ сужденіяхъ, какъ и тамъ, гдѣ она пользуется безусловною свободой *).

5.

Правительственныя пособія въ печати.

Печать у насъ въ настоящее время уже не случайность. Теперь это есть опредѣленное существованіе, особая сфера общественной дѣятельности, признанная закономъ и имѣющая свои точно-обозначенныя права и обязанности. Значеніе печати ростетъ у насъ съ каждымъ днемъ; ея свойства и задачи разъясняются на дѣлѣ и опытѣ все болѣе и болѣе. Это фактъ уже вполнѣ обозначившійся, и всякая возникающая въ немъ неправильность заслуживаетъ серіознаго вниманія. Что прежде могло казаться извинительнымъ по неясности дѣла, то теперь было бы сознательнымъ нарушеніемъ справедливости, завѣдомымъ злоупотребленіемъ. Въ прежнее время правительственныя лица и вѣдомства считали, напримѣръ, въ порядкѣ вещей содержать на казенный счетъ частныя изданія или насильно навязывать читающему люду сужденія нѣкоторыхъ пишущихъ лицъ. Такимъ образомъ нѣкоторыя мнѣнія получали форсированный ходъ, нѣкоторыя сужденія искусственно или насильственно распространялись въ публикѣ, нѣкоторымъ интересамъ приносились въ жертву интересы казны и частныхъ лицъ, общественная польза и справедливость. Быть-можетъ мнѣнія, которыя призывались такимъ образомъ къ жизни и дѣйствію, особенно соотвѣтствовали

*) 1867 г. № 203.

видамъ правительства? Быть-можетъ изданія, которыя получали такимъ образомъ существованіе изъ средствъ казны, служили органами какихъ-либо партій въ правительственныхъ сферахъ или какихъ-либо лицъ облеченныхъ властію, а эти партіи и лица, пользуясь возможностію располагать казенными средствами, употребляли ихъ на то, чтобы настраивать общественное мнѣніе по своему усмотрѣнію? Но всѣмъ извѣстно, что правительство, въ собственномъ смыслѣ этого слова, не имѣло ничего общаго съ сужденіями, которыя, въ подобныхъ изданіяхъ высказывались, и которыя весьма часто находились въ крайней противоположности какъ съ интересами правительства, такъ и съ его ясно выраженною волей. Весьма нерѣдко изданія эти становились центромъ усилій противъ самихъ предположеній и начинаній правительства, и служили средствомъ къ тому, чтобы, съ одной стороны, обманывать публику своею близостью къ офиціальнымъ сферамъ, а съ другой, вводить въ заблужденіе правительство призракомъ общественнаго мнѣнія, котораго они были фальшивыми представителями. Правительственныя партіи? Но могутъ ли быть у насъ *правительственныя* партіи? Нечего таить грѣха: вездѣ, гдѣ сходятся люди, — и въ правительственныхъ сферахъ, быть-можетъ, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, — могутъ возникать болѣе или менѣе значительныя разногласія во мнѣніяхъ и направленіяхъ, хотя разногласія эти ни въ какомъ случаѣ не могутъ выходить за предѣлы общаго для всѣхъ равно обязательнаго дѣла государственной пользы. Но какого бы свойства ни были эти партіи, именно то, въ чемъ заключается принципъ существованія каждой, то въ чемъ состоятъ ея разности съ другими, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть дѣломъ правительственнымъ, а есть интересъ въ такой же силѣ частный, какъ и всякій другой, и потому не имѣетъ

права прибѣгать къ пособіямъ казны для достиженія своихъ цѣлей, какъ бы ни казались онѣ полезными. Правительственное лицо, какъ и всякое другое, можетъ имѣть *свои* мнѣнія о разныхъ предметахъ какъ относящихся, такъ и не относящихся къ государственному управленію; оно, безъ сомнѣнія, имѣетъ право желать, чтобъ раздѣляемыя имъ мнѣнія имѣли ходъ и перевѣсъ надъ другими. Но ему, какъ и всякому другому, предоставляется заботиться объ этомъ своимъ личнымъ усердіемъ и на свой собственный счетъ, безо всякой примѣси правительственнаго авторитета, безъ помощи прямыхъ или косвенныхъ мѣръ, какія могутъ находиться въ распоряженіи власти, ибо всякія такія мѣры были бы въ этомъ случаѣ превышеніемъ власти. Однако, что ясно и строго разграничивается въ теоріи, то въ сумятицѣ практики не всегда можетъ быть доведено до желанной чистоты. Мы готовы допустить, что, и при самыхъ лучшихъ условіяхъ, могутъ быть на практикѣ добросовѣстныя отступленія отъ правила; но допуская это, мы спрашиваемъ, частныя изданія съ правительственными пособіями были ли дѣйствительно и во всѣхъ отношеніяхъ органами тѣхъ или другихъ правительственныхъ лицъ, которыя, по крайней мѣрѣ своею извѣстностію и достоинствомъ своего положенія гарантировали бы достоинство мнѣній, коихъ эти изданія были проводниками?

Говоря объ изданіяхъ, мы разумѣемъ исключительно тѣ, что обозначаются совокупнымъ именемъ *печати*, имѣющей и призваніе, и право произносить сужденія обо всѣхъ современныхъ вопросахъ въ установленныхъ закономъ предѣлахъ; мы не относимъ сюда изданій спеціальныхъ, чисто ученыхъ, и вообще свободныхъ отъ современныхъ политическихъ или общественныхъ тенденцій. Правительственныя вѣдомства и лица могутъ

съ большею или меньшею пользой, предоставлять казенныя пособія на изданіе подобныхъ трудовъ, по зрѣлой и справедливой оцѣнкѣ ихъ достоинства, въ интересѣ просвѣщенія и науки, соблюдая при томъ всякую осторожность, чтобы не стѣснить другихъ подобныхъ трудовъ и не породить монополіи, всегда болѣе вредной, чѣмъ полезной для дѣла. Оговорившись такимъ образомъ, мы повторяемъ вопросъ: были ли органами какихъ-либо правительственныхъ лицъ всѣ тѣ періодическія изданія, которыя пользовались казенными пособіями и судили самымъ опредѣленнымъ образомъ обо всѣхъ современныхъ предметахъ, начиная отъ испанскихъ дѣлъ до пляски канкана у Излера? Безъ сомнѣнія нѣтъ, и еслибы кто вздумалъ сомнѣваться въ этомъ, то мы можемъ представить доказательства, устраняющія всякое сомнѣніе. Правительственныя вѣдомства и лица сами, когда возникалъ вопросъ, не разъ печатно отвѣчали, что они не имѣютъ ничего общаго ни съ направленіемъ этихъ газетъ, ни съ отдѣльными сужденіями, которыя находили въ нихъ мѣсто. Они объявляли, что имѣютъ въ покровительствуемыхъ ими изданіяхъ только извѣстный, офиціально принадлежащій имъ отдѣлъ, и отклоняли отъ себя всякую отвѣтственность за все, что помѣщалось внѣ извѣстной черты. Такимъ образомъ публика получала удостовѣреніе, что мнѣніе газеты въ ея передовыхъ статьяхъ и фельетонахъ не имѣютъ офиціальнаго характера. Но, къ сожалѣнію, скандалъ этимъ не прекращался, а усиливался. Люди мыслящіе не могли не дивиться магическому свойству, которое офиціально приписывалось типографской линейкѣ въ листѣ газеты. Если правительственныя вѣдомства и лица не могли принять на себя отвѣтственность за сужденія господъ пишущихъ въ газетѣ, если они не могли одобрить общее направленіе этихъ сужденій и нерѣдко

должны были съ негодованіемъ отрекаться отъ нихъ (чему бывали примѣры), — то въ какихъ же видахъ сообщался этимъ сужденіямъ и мнѣніямъ форсированный ходъ *).

6.

Права данныя русскому гражданину закономъ о печати 6 апрѣля 1865 г.

Читателямъ нашимъ не можетъ не быть памятно какъ весной нынѣшняго года, въ заграничныхъ, особенно въ нѣмецкихъ газетахъ, вдругъ начали появляться злорадныя извѣстія о предстоящемъ пересмотрѣ дѣйствующаго въ Россіи закона о печати. Печать накликала стѣснительныя мѣры на печать; партіи провозглашающія свободу печати и полагающія въ ней главную силу гражданственности ликовали въ ожиданіи что свобода будетъ отнята у русской печати. Вотъ знаменіе которое бросается въ глаза, и нельзя не принять его къ свѣдѣнію О нашемъ внутреннемъ дѣлѣ, столь близко касающемся насъ, мы узнали такимъ образомъ впервые отъ чужихъ людей, изъ источниковъ заграничныхъ, отъ вражескихъ партій, съ которыми боролись. Въ арміи стоящей предъ лицомъ непріятеля, о предполагаемыхъ въ ней распорядкахъ узнается впервые изъ ликующихъ бюллетеней вражескаго лагеря!..

Мы не хотимъ теперь браться за апологію русской печати. Мы только спрашиваемъ, какой характеръ имѣетъ направленіе возобладавшее въ нашей печати съ тѣхъ поръ какъ она стала свободна. Вѣрно то что это направленіе ненавистно всѣмъ врагамъ законнаго прави-

*) 1868 г. № 170.

тельства Россіи, всѣмъ противникамъ ея государственныхъ интересовъ, равно какъ и всѣмъ противникамъ нынѣшняго царствованія въ его преобразовательныхъ дѣяніяхъ и въ провозглашенной имъ національной политикѣ. Направленіе которое господствуетъ въ освобожденной русской печати есть національное въ правительственномъ смыслѣ. Оно консервативно въ томъ же смыслѣ; оно либерально въ томъ же смыслѣ.

Источникъ и утвержденіе всякой власти въ нашемъ отечествѣ есть Престолъ. Правительство не можетъ слѣдовать иному пути кромѣ того который указанъ ему волей Государя. Но весьма понятно что въ составѣ правительства, столь многочисленномъ и многосложномъ, могутъ быть лица съ разными взглядами на вещи. Очень можетъ быть что та или другая партія въ административныхъ сферахъ недовольна установившимся въ независимой русской печати направленіемъ. Пусть однако докажутъ что направленіе это не совпадаетъ не только по смыслу и духу, но и по буквѣ съ заявленіями и указаніями Высочайшей воли, съ актами правительства самыми торжественными, самыми непререкаемыми, и для всѣхъ, несмотря ни на какое положеніе, равно обязательными. Если русская независимая печать заботилась о наилучшемъ разрѣшеніи вопросовъ съ которыми соединяется государственное объединеніе Россіи, то развѣ это могло быть противно правительству, и развѣ не эта забота выражается въ его предначертаніяхъ и предпріятіяхъ? Развѣ вопросъ о государственномъ единствѣ не поставленъ правительствомъ выше всякихъ разногласій и партій? Если русская независимая печать поддерживала правительство въ его борьбѣ со враждебными стремленіями въ западномъ краѣ, то не исполняла ли она этимъ гражданскій долгъ свой, хотя быть-можетъ это не нравилось тѣмъ или другимъ вліятельнымъ лицамъ, которыя, быть-можетъ, хотѣли бы существенно измѣнить программу правительства? Если печать заявляла и раскрывала факты въ которыхъ выражалось уклоненіе служебныхъ властей отъ программы данной имъ Верховною Властію, то развѣ этимъ она точно также не исполняла гражданскій долгъ свой? Если она со всею энергіей противодѣйствовала воззрѣніямъ которыя клонились, напримѣръ, къ тому чтобъ измѣнить характеръ крестьянской реформы въ западномъ краѣ, хотя эти воззрѣнія и поддерживались вліятельными въ правительственныхъ сферахъ лицами, то Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Главнаго Комитета не подтверждены ли истинныя предначертанія правительства которыя защищала, разъясняла и оправдывала вѣрная ему печать? Если она, на этихъ дняхъ, была вынуждена раскрыть новый поразительный фактъ который свидѣтельствуетъ что именно это самое, такъ недавно обнародованное законодательное положеніе, существенно измѣняется служебными властями которымъ ввѣрено его исполненіе, и крестьянское дѣло возвращается къ тѣмъ самымъ воззрѣніямъ которыя только что осуждены и отвергнуты правительствомъ, то не ему ли служила печать, раскрывая фактъ который могъ бы ускользнуть отъ него именно потому что происходитъ отъ его собственныхъ органовъ?

Вотъ другая окраина русскаго государства, гдѣ зло коренится еще глубже и гдѣ угрожаютъ ему опасности еще болѣе серіозныя: не была ли независимая русская печать вѣрнымъ и зоркимъ стражемъ русскихъ государственныхъ интересовъ на балтійской почвѣ? Не была ли она неутомимымъ обличителемъ обмана который служитъ тамъ главнымъ орудіемъ злоумышленной партіи? Не приводила ли она къ ясности политическія понятія запутанныя этою политикой обмана? Не разоблачала ли

факты утаенные, подмѣненные или искаженные? Не выработала ли она для общества воззрѣнія соотвѣтственныя сущности тѣхъ отношеній въ которыхъ край этотъ долженъ находиться къ Россіи и согласныя съ тѣми идеями которыя въ разныя времена высказывались устами государей Россіи и ея лучшихъ государственныхъ людей, и которыя выразились во многихъ правительственныхъ начинаніяхъ, не получившихъ развитія единственно только потому что правительство не имѣло себѣ опоры въ общественномъ мнѣніи? Пока еще у русской печати не отняли Государя, пока еще не возбранено ей черпать свои вдохновенія изъ личныхъ заявленій Верховной Власти, безъ спроса цензора, мы можемъ сказать что всѣ воззрѣнія русской независимой печати относительно окраинъ были только примѣненіемъ и развитіемъ той государственной мудрости которая сказалась въ словѣ нашего Государя о *единой семьѣ русской*, произнесенномъ въ Ригѣ. Ни разнообразіе племеннаго происхожденія и обычая, ни разномысліе въ дѣлѣ вѣры не лишаютъ никакого права быть членомъ единой семьи русской, и также не препятствуютъ государству быть повсюду единымъ и цѣльнымъ, безъ чего ни развитіе его не можетъ быть безопасно, ни самое существованіе прочно.

Переходимъ къ реформамъ, которыя съ 1863 года пересоздали Россію и положили новую эпоху въ ея исторической жизни. Всѣ онѣ тѣсно между собою связаны, всѣ онѣ стоятъ и падаютъ вмѣстѣ. Но каждая имѣетъ своихъ недовольныхъ, и всѣ недовольные солидарны между собою, составляя глухую оппозицію самому принципу нынѣшняго царствованія. Еслибъ эта оппозиція могла возобладать и достигнуть своихъ цѣлей, то одна изъ самыхъ главныхъ страницъ нашей исторіи была бы крестъ-на-крестъ перечеркнута. Было ли господствующее направленіе русской печати въ какомъ-либо соглашеніи съ этою тайною оппозиціей? Не отличалась ли, напротивъ, независимая печать наша живѣйшею преданностію благимъ и славнымъ начинаніямъ царствующаго Государя? Не стояла ли она безсмѣннымъ стражемъ Его славы? Не блюла ли она съ неутомимою ревностію основную мысль каждой изъ этихъ великихъ реформъ, разъясняя и ограждая ее отъ всякихъ покушеній, если не прямыхъ, то косвенныхъ? Каждая изъ этихъ реформъ, весьма естественно, представляетъ нѣкоторые недостатки и несовершенства; каждая требуетъ, можетъ-быть, новаго законодательнаго акта для того чтобы придти въ соотвѣтствіе съ своими основными началами, каждая быть-можетъ указываетъ на новыя реформы, которыя бы восполнили и оплодотворили то что уже сдѣлано. Что же? Не отличалась ли наша печать замѣчательною воздержностію въ либеральныхъ заявленіяхъ? Не ограничивалась ли она только охраненіемъ основныхъ началъ великаго преобразовательнаго дѣла, которое совершилось на пользу государства и ко благу народа, не столько возбуждая, сколько умѣряя ощущаемую въ обществѣ потребность дальнѣйшаго движенія и справедливо опасаясь что въ виду тайной оппозиціи каждый шагъ въ развитіи или исправленіи реформъ можетъ подать поводъ къ попыткамъ извратить ихъ въ основѣ и испортить ихъ въ сущности?

Что таково направленіе возобладавшее въ русской печати, это фактъ неоспоримый. Предоставляемъ другимъ оцѣнять, хорошо ли или дурно это направленіе. Мы же утверждаемъ только тотъ фактъ что русская печать, съ тѣхъ поръ какъ получила свободу, становилась все болѣе и болѣе солидарною съ правительствомъ своей страны,—съ правительствомъ въ главномъ и высшемъ значеніи этого слова. Никогда печать не

представляла такого единодушія по всѣмъ политическимъ вопросамъ какъ у насъ въ настоящее время, за исключеніемъ немногихъ органовъ которыхъ значеніе всѣмъ извѣстно и которые съ негодованіемъ отталкиваются быстро созрѣвающимъ общественнымъ мнѣніемъ страны. Органы самые разнообразные, не имѣющіе между собою ничего общаго, нерѣдко непріязненные другъ другу, равно подчинились въ главныхъ вопросахъ одному направленію совершенно согласному съ общими основаніями правительственной программы. Никакая другая страна не представляетъ примѣра такого единства печати съ правительствомъ и такого отсутствія оппозиціоннаго духа относительно его высшихъ и драгоцѣннѣйшихъ интересовъ. Это явленіе тѣмъ знаменательнѣе что оно являетъ собою, въ маломъ видѣ, то основное отношеніе къ Верховной Власти, которое народъ нашъ вынесъ изъ своей исторіи. Какъ только общественное мнѣніе получило независимые органы, оно сразу стало на твердую народную почву.

Пожалуй, если не скажутъ, то подумаютъ, не слишкомъ ли уже печать наша усердна въ служеніи государственнымъ интересамъ Россіи? Не черезчуръ ли она отличается преданностію? Можетъ быть и слишкомъ, можетъ быть и черезчуръ: съ какой стороны посмотрѣть. Но нѣтъ сомнѣнія что печать наша была бы менѣе ненавистна разнымъ партіямъ, еслибы менѣе была предана интересамъ правительства. Мы совершенно увѣрены что еслибы въ русской печати возобладалъ духъ оппозиціи или обнаружилась политическая безнравственность, то печать русская не обралась бы отъ друзей, какъ теперь не оберется отъ враговъ. Она стала бы сподручнѣе, удобнѣе и всѣмъ пріятнѣе; ей пожелали бы новыхъ льготъ, какъ желали лѣтъ за шесть за семь предъ симъ, когда она, находясь подъ режимомъ предварительной цензуры, представляла собою самую гнусную оргію и была игралищемъ всевозможныхъ дурныхъ партій.

Но если дурнымъ партіямъ ненавистно направленіе господствующее въ нынѣшней независимой русской печати, если онѣ такъ откровенно зложелательствуютъ ей и такъ громко накликаютъ на нее стѣснительныя мѣры, то естественно ли ожидать чтобы правительство принялось исполнять ихъ желанія?

Мы не отрицаемъ что между лицами болѣе или менѣе недовольными печатью могутъ быть и добросовѣстно недовольные. Но желательно чтобы добросовѣстные недоброхоты нашей печати оглянулись вокругъ, и посмотрѣли съ какими въ этомъ отношеніи партіями приходится имъ быть солидарными.

Мы говорили о главномъ, о господствующемъ направленіи русской печати; но мы не отрицаемъ что въ печать могутъ прокрадываться и другія направленія, хотя сила вопроса заключается не въ томъ что случайно скажется, а въ томъ что господствуетъ и что даетъ тонъ общественному мнѣнію. Мы не отрицаемъ также что и при самомъ лучшемъ направленіи могутъ случаться болѣе или менѣе предосудительныя въ отдѣльныхъ случаяхъ погрѣшности. Часто, и быть-можетъ слишкомъ часто, бывали случаи столкновенія между печатью и надзирающею за нею административною властію. Мы не считаемъ себя компетентными входить въ разбирательство этихъ столкновеній, и еще менѣе расположены утверждать что въ этихъ столкновеніяхъ всегда была права печать. Но эти случаи свидѣтельствуютъ что административныя лица, въ вѣдѣніи коихъ печать находится, скорѣе слишкомъ сильно нежели слишкомъ слабо вооружены для дѣйствія противъ нея. Хотя и освобожденная отъ предварительной цензуры, печать

совершенно открыта для ударовъ цензурнаго вѣдомства. Администрація, по усмотрѣнію, вольна предать въ данномъ случаѣ журналъ или газету суду, или поразить ихъ карою безъ суда, или наконецъ сдѣлать и то и другое. Административныя кары имѣютъ самое серіозное значеніе: онѣ могутъ убить изданіе и разорить людей которые имъ подвергнутся. Сильнѣе этого ничего нельзя пожелать. Ни въ какой другой общественной средѣ административная власть не можетъ дѣйствовать такъ сильно. Если администраціи не предоставлено формальнаго права непосредственно запретить изданіе, то она можетъ умертвить его учащенными ударами, или привести его въ такое положеніе что оно само найдется вынужденнымъ прекратить свое существованіе. Наконецъ, при соблюденіи нѣкоторыхъ формальностей, администрація можетъ, безъ суда, не только фактически убить изданіе, но и юридически запретить его, какъ показалъ это примѣръ газеты *Москва*. Законъ, освободившій нашу печать отъ предварительной цензуры, не освободилъ ея отъ административной власти, которая въ своихъ распоряженіяхъ нисколько не стѣснена опредѣленіями закона. Что же касается до опредѣленій закона, то они столько же строги сколько предусмотрительны. Что возбранялъ цензурный уставъ, то возбраняетъ и законъ освободившій печать отъ предварительной цензуры; но къ запрещеніямъ цензурнаго устава присоединенъ цѣлый рядъ проступковъ вновь предусмотрѣнныхъ и точно обозначенныхъ. Судъ, въ свою очередь, вооруженъ также сильно, и печати ни въ какомъ случаѣ не дано пользоваться тѣми обезпеченіями которыя уголовный преступникъ находитъ въ учрежденіи присяжныхъ, представляющихъ собою общественную совѣсть. Приговаривая подсудимыхъ по дѣламъ печати ко взысканіямъ болѣе или менѣе тяжкимъ, судъ, по усмотрѣнію, можетъ сверхъ

того и вовсе прекратить изданіе, а также у признаннаго виновнымъ отнять на продолжительный срокъ право какого бы то ни было повременнаго изданія. Дабы еще болѣе обезпечить строгость примѣненія закона, постановлено правительственныя преслѣдованія печати начинать не въ окружномъ судѣ, а прямо въ судебной палатѣ; кассаціонный же судъ въ этихъ исключительныхъ случаяхъ превращается въ аппелляціонный. Судебное преслѣдованіе, въ которомъ заинтересована администрація, начинается и поддерживается прокурорскимъ надзоромъ, который относительно проступковъ печати является органомъ не только нарушеннаго закона, но и административныхъ лицъ поручающихъ ему преслѣдованіе, и обязанъ слѣдовать ихъ указаніямъ и внушеніямъ.

Таково положеніе созданное для нашей печати закономъ 6-го апрѣля 1865 года. Онъ впервые даровалъ русскому гражданину право самоотвѣтственнаго публичнаго слова, и такимъ образомъ положилъ начало русскому общественному мнѣнію; въ этомъ заключается его благодѣяніе, его истинно-великое значеніе въ ряду реформъ ознаменовавшихъ нынѣшнее царствованіе. Въ нравственной сферѣ, для русскаго общества, это то же что отмѣна крѣпостнаго права для крестьянъ. Законодательный актъ положившій въ Россіи начало общественному мнѣнію сталъ необходимымъ условіемъ для успѣшнаго развитія всѣхъ нашихъ реформъ. Если прежде мы могли еще какъ-нибудь обходиться безъ общественнаго мнѣнія, то посреди новыхъ условій нашего быта оно является необходимостію. Новые порядки не могутъ процвѣтать безъ публичности, такъ что самые жизненные интересы государства требуютъ настоятельно чтобы у насъ во всѣхъ дѣлахъ вырабатывалось и зрѣло свое собственное мнѣніе.

Но отмѣна крѣпостнаго права есть реформа вполнѣ завершившаяся, между тѣмъ какъ законъ освободившій нашу печать отъ предварительной цензуры отмѣнилъ только первый, ближайшій и грубѣйшій видъ зависимости въ которой она находилась. Русскій гражданинъ получилъ право, подъ своею отвѣтственностью, говорить безъ спроса; но онъ находится въ отвѣтѣ не предъ однимъ закономъ, а также и предъ личнымъ усмотрѣніемъ той самой служебной власти, въ рукахъ которой находится цензура. Цензура осталась,—только изъ предварительной она стала карательною. И это былъ уже весьма важный шагъ. Съ упраздненіемъ предварительной цензуры пріобрѣтена по крайней мѣрѣ законная возможность независимаго слова. Карательная цензура есть, безъ сомнѣнія, высшая ступень въ движеніи законодательства по дѣламъ печати. Въ принципѣ это уже есть освобожденіе, хотя на практикѣ новое положеніе печати могло не только не улучшить ея быта, но сдѣлать его еще хуже чѣмъ прежде. Карательная цензура можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ точно такую же полную зависимость печати отъ личнаго произвола нѣкоторыхъ служебныхъ властей, какъ и предварительная. Этого мало. Новый порядокъ могъ съ первыхъ же шаговъ повести къ фактическому возстановленію прежняго. Во избѣжаніе столкновеній съ властью вооруженною предостереженіями и другими способами давать чувствовать свое вліяніе, печать могла ежеминутно терять почву закона и въ заявленіяхъ, также какъ и въ обсужденіяхъ своихъ, руководствоваться не столько убѣжденіемъ совѣсти и чувствомъ долга, сколько желаніемъ угодить вліятельнымъ лицамъ. Дабы не подвергнуться тяжкой карательной мѣрѣ, газета или журналъ могутъ быть наконецъ просто вынуждены посылать свои статьи на предварительный просмотръ ко вліятельнымъ въ цензурномъ управленіи лицамъ, что, какъ сказываютъ, и бываетъ или бывало въ Петербургѣ. Если же тѣмъ не менѣе русская печать пріобрѣла нѣкоторое значеніе и могла высказываться съ полною независимостію, то этимъ она обязана самой себѣ, или тому характеру которым обнаружило возобладавшее въ ней направленіе. Дарованная печати льгота выразилась въ ней чувствомъ долга. Въ положеніи созданномъ для нея новымъ закономъ, печать могла пріобрѣсти независимость только при условіи совершенной политической честности, поставивъ своею главною задачей дѣятельное служеніе Государю и его государеву дѣлу, какъ говорили наши праотцы, и подчинивъ этому служенію всѣ другіе интересы. Не закону обязана русская печать тою независимостію которою она пользуется и которая сообщила ей достоинство и силу, но этой честности своей и благоволенію Верховной Власти, восполнявшему законъ.

Возвращаемся, въ заключеніе, къ началу статьи. Законъ о печати, дѣйствительно, требовалъ бы пересмотра, дабы придти въ соотвѣтствіе съ великодушною волей даровавшею его на пользу общую. Не говоря уже о томъ, что независимость мнѣнія недостаточно обезпечена распоряженіями закона, есть цѣлая великая область, которая наглухо заперта имъ. Предварительная цензура удержана во всей силѣ для духовной области. Интересъ столь великой важности, центральный для жизни, оторванъ отъ нея и взятъ въ полицейское управленіе. Вслѣдствіе этого, нигдѣ нѣтъ столь глубокаго и мертвящаго разобщенія между свѣтскимъ образованіемъ и интересами духовнаго свойства какъ у насъ. Хорошо ли это?

Но если правительство не находитъ своевременнымъ расширять въ настоящее время льготы печати, то ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть своевременнымъ какое бы то ни было ограниченіе данныхъ льготъ. Это

не въ духѣ нашего законодательства, это еще менѣе въ духѣ нынѣшняго царствованія. Только уступая самой печальной необходимости, правительства берутъ назадъ то, что уже пріобрѣтено и усвоено жизнію, и такія реакціи не обходятся безъ вредныхъ послѣдствій. Какая же случилась бѣда, чтобы принимать общія мѣры противъ печати? Всякое, хотя бы малѣйшее измѣненіе закона о печати въ смыслѣ реакціонномъ повлечетъ за собой общій упадокъ духа и деморализацію. Это было бы ударомъ для направленія, которое возобладало въ печати и установилось въ публикѣ, и правительство исполнило бы этимъ только желанія враговъ своихъ. Это неизбѣжно было бы принято повсюду какъ сигналъ къ повороту въ нашей политикѣ, и правительство только оживило бы этимъ надежды всѣхъ непріязненныхъ государству партій, и домашнихъ и заграничныхъ.

Къ несчастію, ликованія враговъ нашей печати не совсѣмъ лишены основанія. Ей, дѣйствительно, грозитъ опасность, и притомъ самаго серіознаго свойства, хотя и подъ видомъ нѣкоторыхъ, какъ будто незначительныхъ, измѣненій и дополненій закона. Въ дѣлахъ этого рода самые опасные проекты вырабатываются разными второстепенными бюрократическими дѣятелями, которые придумываютъ многое въ тѣхъ видахъ, чтобы показать свое усердіе по службѣ, а иногда, сознательно или безсознательно, служа проводниками тенденцій Богъ вѣсть откуда идущихъ.... Высшія правительственныя лица не всегда имѣютъ досугъ войти въ подробности этихъ работъ, и вотъ въ законъ проникаютъ незамѣтно начала, поражающія его въ самой сердцевинѣ и ставящія его въ противорѣчіе съ собою, а испорченный законъ неизбѣжно порождаетъ неловкость и смуту *)....

*) 1869 г. № 292.

7.

Либеральная цензура

Признаемся, мы не вѣримъ ни въ наши консервативныя, ни въ наши радикальныя мнѣнія. Мы видимъ въ этихъ мнѣніяхъ только фантасмагорію и обманъ. Не противъ мнѣній протестуемъ мы какого бы то ни было свойства, а противъ обмана, вольнаго или невольнаго, который въ нихъ господствуетъ, который составляетъ ихъ сущность, изъ котораго они созданы. Мы не имѣемъ надобности разбирать кто кого обманулъ и кто кѣмъ обманутъ, но фактъ обмана не подлежитъ сомнѣнію, и противъ него-то слѣдуетъ въ наше время бороться всякому честному и мыслящему человѣку, бороться какъ въ самомъ себѣ, такъ и въ другихъ.

У насъ еще не дошло дѣло до столкновенія мнѣній ни въ наукѣ, ни въ политической жизни, по той простой причинѣ, что у насъ пока не имѣется ни того, ни другаго. У насъ нѣтъ ни самостоятельныхъ системъ, ни организованныхъ политическихъ партій. Русскому обществу, въ пору только отстаивать свое существованіе. Прежде всего и въ основѣ всего рѣшается у насъ русскій національный вопросъ, внѣ котораго не можетъ быть у насъ ни истинно консервативныхъ, ни истинно либеральныхъ началъ. Серіозная борьба, которая проходитъ чрезъ всѣ наши дѣла относится только къ этому вопросу.

На почвѣ нашего національнаго вопроса мы встрѣчаемся съ партіями сильно организованными, которыя обладаютъ огромными средствами для дѣйствія. Онѣ находятъ себѣ могущественную поддержку заграницей, они находятъ еще болѣе дѣйствительные способы для

себя въ неорганизованности нашего общества, въ слабости нашего общественнаго мнѣнія и въ томъ историческомъ недугѣ самоотрицанія, который сталъ какъ бы нашимъ нормальнымъ состояніемъ. Всякій недугъ нашего національнаго дѣла безъ труда находитъ въ насъ самихъ пособниковъ себѣ. Быть либеральну значитъ у насъ презирать свой народъ, держать его въ черномъ тѣлѣ, отказывать ему въ прогрессѣ и цивилизаціи, отрицать будущность своей страны и желать ея разложенія. Въ этомъ также состоитъ у насъ и просвѣщенное консервативное воззрѣніе. Вездѣ подобное явленіе считается политическою безнравственностію, а у насъ этимъ гордятся. Патріотизмъ и національный духъ пробуждаются у насъ только въ военное время, а именно въ мирное время и идетъ у насъ самая опасная борьба, требующая чуткаго, стойкаго и просвѣщеннаго патріотизма.

Никакія мнѣнія не считаемъ мы опасными, если только они искренни, если къ нимъ не примѣшивается ничего посторонняго, если они не служатъ орудіемъ обмана. Дабы оцѣнить истинное значеніе идеи пущенной въ оборотъ, недостаточно знать въ чемъ состоитъ ея содержаніе; надобно знать какія причины приводятъ ее въ движеніе.

Во имя самыхъ дорогихъ для насъ интересовъ, ничего мы такъ не считали бы полезнымъ, какъ полную независимость въ выраженіи всякаго мнѣнія. Мнѣнія дѣйствуютъ вредно не потому, что они свободно высказываются, а потому, что свободно не высказываются. Вредныя мнѣнія часто и создаются тѣмъ самымъ запретомъ, который налагается на ихъ выраженіе. Дайте свободный ходъ тѣмъ мнѣніямъ, которыя кажутся вамъ разрушительными, и они быстро измѣнятъ свой характеръ: либо изъ нихъ выработается что-либо полезное, либо они обратятся въ пошлость и сами убьютъ себя своею нелѣпостью. Тѣ доктрины, которыми смущаютъ

у насъ умы школьныхъ подростковъ, только тѣмъ и держатся, что онѣ подъ запретомъ, только въ этомъ и заключается ихъ обаятельная сила. Стоитъ запретить самую безобидную пошлость, и она завтра же сдѣлается злою силой. Она получитъ фальшивую жизненность и власть надъ умами, и этимъ будетъ она обязана единственно нашему вмѣшательству. Чѣмъ болѣе въ общественной средѣ запрещенныхъ идей, тѣмъ болѣе въ ней поживы для всякаго обмана.

Всего хуже полумѣры, и всего хуже онѣ по отношенію къ печати. Либеральная цензура есть contradictio in adjecto, есть внутреннее противорѣчіе. Вгонять внутрь запрещаемое мнѣніе, утончать и одухотворять его, это всего хуже. Это значитъ вырабатывать самый крѣпкій ядъ, и выдавать на него патентъ.

Истинно либеральное воззрѣніе, которое есть въ тоже время и истинно консервативное, требуетъ полной гарантированной закономъ свободы мнѣнія.

Преслѣдуя только дѣйствіе и вмѣняя только злонамѣренность, но не вступая въ критику мнѣній, законъ обезпечитъ самое высшее въ человѣческомъ обществѣ, свободу его умственной и нравственной жизни, и вѣрнѣе всего охранитъ его безопасность. Поставить для мысли условіемъ, чтобъ она въ своемъ движеніи никуда не уклонялась отъ предписанной нормы, значитъ осудить ее на неподвижность и бездѣйствіе, или же вынудить ее къ принятію неправильныхъ, тайныхъ и законопреступныхъ путей. Исторія человѣческаго разумѣнія у всѣхъ народовъ и во всѣ времена есть исторія исканій и блужданій, безъ которыхъ не совершилось никакого успѣха и не сдѣлано никакого пріобрѣтенія. Весь этотъ кругъ знаній, все это богатство разумѣнія, все то, въ чемъ выражается всемірный прогрессъ, достоинство и сила цивилизаціи, всѣ эти великія идеи, которыми оза-

ряются пути жизни, имѣютъ за собою прошедшее, какъ имѣютъ предъ собою будущее исполненное неутомимыхъ исканій, и въ сущности представляютъ собою не что иное, какъ рядъ побѣжденныхъ сомнѣній и разрѣшенныхъ ошибокъ. Кто мыслилъ, тотъ и ошибался. Всякій знаетъ это изъ своего личнаго опыта: это законъ человѣческой природы. Какую бы мысль ни вращали вы въ умѣ своемъ, вы можете развивать ее лишь въ извѣстной постепенности. Сначала сосредоточивая вниманіе на одной сторонѣ, потомъ переходя къ другой, вы лишь въ результатѣ пріобрѣтаете образъ цѣлаго и овладѣваете предметомъ. Что происходитъ моментально въ умѣ каждаго человѣка и выражается рядомъ идей, то совершается и въ обществѣ; только каждый моментъ развитія, каждая подробность его требуетъ особыхъ силъ и выражается рядомъ людей.

Могутъ быть ошибочныя и односторонніе воззрѣнія совершенно добросовѣстныя и честныя, проистекающія изъ благороднаго инстинкта истины, и ихъ безъ всякаго труда можно отличить отъ злонамѣренныхъ агитацій. Если законъ хочетъ дать нѣкоторый просторъ для движенія мыслей, то онъ долженъ отличить мнѣнія подлежащія критикѣ отъ дѣйствій подлежащихъ суду.

Великій мыслитель, именемъ котораго гордится исторія человѣческаго разумѣнія, Платонъ въ своемъ трактатѣ о государствѣ, возносясь въ идеальную область и смѣшивая ее съ условіями дѣйствительнаго міра, строитъ человѣческое общежитіе помимо началъ собственности и семейнаго союза, которое могло осуществиться только въ христіанскомъ мірѣ, но въ иномъ духѣ и между людьми отрекшимися отъ міра, въ монашескихъ общинахъ. Не слѣдуетъ ли и Платона призвать къ суду за то, что онъ отвергъ начала собственности и семейства въ своемъ идеальномъ построеніи?

Не слѣдуетъ ли заключить въ тюрьму на годъ и четыре мѣсяца съ надбавкою денежнаго взысканія рублей въ пятьдесятъ писателя, который сталъ бы комментировать Платона въ этомъ пунктѣ?

О чемъ бы ни шла рѣчь, характеръ ея зависитъ отъ того, къ кому или къ чему она обращается. Обращается ли ваше слово къ разумѣнію или къ невѣжеству и страстямъ, это не можетъ ускользнуть даже отъ поверхностной оцѣнки, и этимъ несравненно болѣе нежели предметомъ опредѣляется характеръ слова съ точки зрѣнія закона, стоящаго на стражѣ общественной нравственности. Нельзя относить къ одной категоріи слово, которое обращается къ людямъ мыслящимъ, съ тѣмъ, которое разчитано на невѣжество, несмысліе и умственную незрѣлость *).

8.

Польза предварительнаго обсужденія въ [illegible] предполагаемаго законодательнаго акта.

Въ видахъ несомнѣнной пользы, законъ предоставилъ печати, какъ органу общественнаго мнѣнія, обсуждать дѣла общаго интереса; но обсужденіе можетъ приносить пользу только въ томъ случаѣ, когда вопросы, которые ему подвергаются, выходятъ на свѣтъ во всей своей правдѣ и со всѣми подробностями, а не скрываются въ туманѣ общихъ мѣстъ или сквозятъ въ двусмыслія намековъ. Широкая и правдивая гласность есть первое и необходимѣйшее условіе для того, чтобъ общественное мнѣніе не становилось орудіемъ обмана и интриги

*) 1870 г. № 14.

Но если въ видахъ пользы дозволяется правдивое обсужденіе дѣйствующихъ законовъ и состоявшихся распоряженій правительства, то тѣмъ полезнѣе обсужденіе мѣръ, которыя сами находятся только на степени мнѣнія и еще не облечены въ обязательную силу правительственнаго акта. Чѣмъ зрѣлѣе и полнѣе будетъ разработанъ вопросъ въ области мнѣнія, тѣмъ удовлетворительнѣе и совершеннѣе можетъ выйдти законодательный актъ. Что пользы говорить о недостаткахъ закона уже вступившаго въ силу, и въ близкомъ будущемъ не подлежащаго измѣненію? Какой интересъ можетъ представить такое обсужденіе? Не полезнѣе ли во сто и въ тысячу кратъ предварительно сосредоточить свѣтъ на самой потребности предполагаемаго законодательнаго акта и взвѣсить всѣ интересы связанные съ вопросомъ? Въ этомъ отношеніи гласность факта и публичность обсужденія суть условія не замѣнимыя, если только имѣется въ виду дѣйствительная польза. Какъ бы зрѣло ни былъ обдуманъ вопросъ, безъ всесторонней провѣрки основной мысли и фактическихъ данныхъ, изъ которыхъ онъ выработался, никогда нельзя поручиться, чтобы въ немъ не оказалось какого-либо недостатка или какой-либо примѣси, которые въ послѣдствіи могутъ отозваться вреднѣйшимъ образомъ въ дѣйствіи закона, и привести къ результатамъ совершенно противнымъ ожиданію *).

9.

Независимость русской печати.

Русская печать независима въ сужденіяхъ какъ объ иностранныхъ, такъ и внутреннихъ дѣлахъ, о правительственныхъ распоряженіяхъ, о предначертаніяхъ законодательныхъ мѣръ, наконецъ о самихъ законахъ; эта свобода ограничена только условіемъ, чтобы сужденія не обнаруживали стремленія колебать довѣріе къ основамъ государства и возбуждать смуты. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что наша печать столь же независима какъ и англійская, и даже независимѣе, потому что въ Англіи органы печати бываютъ орудіями той или другой партіи, между тѣмъ какъ наши газеты гораздо менѣе связаны съ партіями, не имѣющими у насъ твердой организаціи, и потому выражаютъ большею частію сужденія личныя. По всѣмъ очереднымъ вопросамъ въ русскихъ газетахъ высказывались самыя разнородныя и противорѣчивыя мнѣнія. Мы не отрицаемъ, что и у насъ административныя лица проводятъ свои мнѣнія въ нѣкоторыхъ газетахъ, но въ такихъ случаяхъ они поступаютъ какъ частныя лица или партіи, и тенденціи ихъ нерѣдко не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, что потомъ оказывается воззрѣніемъ правительства. Русское правительство есть правительство сильное, не имѣющее надобности въ скрытныхъ и изворотливыхъ способахъ дѣйствія. Бывало иногда,—быть-можетъ раза два за все время нашей журнальной дѣятельности, — что правительство приглашало печать воздержаться на нѣкоторое время отъ сужденій по какому-либо предмету, подобно тому, какъ напримѣръ англійскіе министры приглашаютъ палаты отсрочить пренія, находя ихъ неудобными въ данную минуту. Но никогда не бывало, чтобы правительство наше давало печати потаенный сигналъ высказываться такъ или иначе по тому или другому вопросу *).

*) 1870 г. № 24.

*) 1873 г. № 109.

10.

Права и обязанности печати.

Каждое правительственное учрежденіе есть правительство, но только по своей части, только въ предѣлахъ своей компетенціи. Всякія распоряженія правительственнаго лица внѣ сферы ему предоставленной именуются превышеніемъ власти, и ни одинъ министръ не можетъ вмѣшиваться въ дѣла подлежащія вѣдѣнію другаго министерства. Какъ членъ Комитета Министровъ и другихъ высшихъ государственныхъ установленій, каждое изъ высшихъ правительственныхъ лицъ можетъ имѣть вліяніе на ходъ дѣлъ и въ неподчиненныхъ ему вѣдомствахъ, но не можетъ дѣлать обязательныхъ для посторонихъ вѣдомствъ распоряженій. Министръ путей сообщенія, или министръ юстиціи, или иное изъ высокопоставленныхъ лицъ, при посѣщеніи напримѣръ гимназіи, казенной или частной, могутъ случайно высказать какое-нибудь замѣчаніе; равнымъ образомъ, министръ народнаго просвѣщенія или государственныхъ имуществъ, обозрѣвая зданія московскихъ судебныхъ установленій, могутъ что-нибудь сказать инспектору сихъ зданій объ удобствахъ или неудобствахъ распредѣленія и устройства различныхъ помѣщеній. Нѣтъ сомнѣнія, что и лица завѣдующія приведеннымъ для примѣра учебнымъ заведеніемъ, и инспекторъ зданій судебныхъ установленій выслушаютъ съ уваженіемъ замѣчанія своихъ высокопоставленныхъ посѣтителей; но нѣтъ также сомнѣнія, что они не примутъ этихъ замѣчаній за обязательныя для себя правительственныя распоряженія. Равнымъ образомъ не признали бы они обязательными для себя, носящія правительственный характеръ и письменныя указанія, если-бы таковыя — допустимъ невозможное — были сдѣланы имъ хотя и правительственными лицами, но стоящими во главѣ другихъ вѣдомствъ. Если же министры и главноуправляющіе не могутъ самопроизвольно дѣлать какія-либо распоряженія внѣ сферы своего управленія, то не болѣе правъ имѣютъ они и по отношенію къ печати.

Печать не есть нѣчто подчиненное всѣмъ вѣдомствамъ безъ различія; она имѣетъ опредѣленное положеніе. Въ силу закона, завѣдываніе дѣлами печати предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ, при которомъ учреждено Главное Управленіе по Дѣламъ Печати, и лишь распоряженія этого вѣдомства, на основаніяхъ опредѣленныхъ закономъ, имѣютъ для печати правительственную силу. Къ этому, а не къ иному вѣдомству обращаются за разрѣшеніемъ изданія новыхъ газетъ и журналовъ; непосредственно отъ него исходятъ и даваемыя повременнымъ изданіямъ предостереженія, отъ него получаются ими и тѣ обязательныя къ немедленному напечатанію безъ измѣненій и безъ возраженій, въ томъ же нумерѣ, *официальныя* сообщенія (составляемыя въ обычной безличной формѣ и обозначаемыя обыкновенно подписью „сообщено“); отъ него зависитъ и прекращеніе повременнаго изданія въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ закономъ случаяхъ; отъ него же зависитъ возбужденіе судебныхъ преслѣдованій за проступки печати (за исключеніемъ лишь немногихъ, точно оговоренныхъ въ законѣ, случаевъ). Въ силу этого, правительственный характеръ имѣютъ для печати только тѣ разрѣшенія и запрещенія, только тѣ предостереженія и сообщенія, которыя исходятъ изъ Главнаго Управленія по Дѣламъ Печати. Помимо же сего учрежденія, никакое не только просто должностное, но и высшее правительственное лицо не можетъ обратиться къ повременному изданію съ обяза-

тельнымъ къ напечатанію официальнымъ „сообщеніемъ“. Само собою разумѣется, что если главноуправляющій какою-либо частію пришлетъ въ газету поправку или разъясненіе какого-либо извѣстія, то редакція не только не откажется помѣстить присланное разъясненіе, а напротивъ усмотритъ въ присылкѣ его знакъ лестнаго для нея вниманія и поспѣшитъ воспользоваться сообщеннымъ свѣдѣніемъ. Вообще газета не поставляющая себѣ задачей распространеніе завѣдомо невѣрныхъ извѣстій не откажется безъ уважительныхъ причинъ отъ помѣщенія на своихъ столбцахъ, въ той или другой формѣ, сообщеннаго ей кѣмъ бы то ни было исправленія ошибочнаго свѣдѣнія. Тѣмъ не менѣе, помѣщеніе будетъ ея добровольнымъ, а не обязательнымъ дѣйствіемъ *).

II.

Независимость печати.

За границей имѣютъ неправильныя понятія о положеніи и значеніи печати въ Россіи. Къ сожалѣнію, мы сами на все смотримъ чужими глазами, и потому чужимъ людямъ такъ легко сбивать насъ съ толку. Когда имъ бываетъ нужно погасить у насъ свѣчи и обдѣлать свое дѣло въ темнотѣ, они разчитываютъ озадачить Русское правительство указаніемъ на его отвѣтственность за сужденія русской печати, такъ какъ де въ Россіи, гдѣ не имѣется „конституціи“ и „политической свободы“, правительство всевластно, и потому за сужденія русской печати всякое иностранное правительство можетъ будто бы отъ Русскаго правительства требовать отчета. При

этомъ наши заграничные друзья съ сожалѣніемъ замѣчаютъ, что не могутъ въ этомъ отношеніи платить нашему правительству взаимностію, такъ какъ де печать въ конституціонныхъ странахъ не подлежитъ правительственному контролю и потому всякій де тамъ можетъ высказываться по своему усмотрѣнію, не вовлекая правительства своей страны въ отвѣтственность.

Наши друзья ошибаются. Мы скажемъ имъ новость, хотя эта новость, по существу своему, есть вещь очень старая. Россія обладаетъ своего рода политическою свободой; она есть страна не менѣе другихъ конституціонная, только не такъ какъ другія, что зависитъ отъ ея натуры, которая, даже друзьямъ въ угоду, измѣниться не можетъ. Какъ и въ другихъ странахъ, въ Россіи есть законы; есть и законъ которымъ печать учреждается и которымъ опредѣляется ея независимость. Мы скажемъ болѣе, и скажемъ совершенную истину. Печать въ Россіи, и быть-можетъ только въ Россіи, находится въ условіяхъ дозволяющихъ ей достигать чистой независимости. Мы не знаемъ ни одного органа въ иностранной печати, который могъ бы въ истинномъ смыслѣ назваться независимымъ. Въ такъ-называемыхъ конституціонныхъ, въ противоположность Россіи, государствахъ есть партіи, которыя борются за власть и во власти участвуютъ. Политическая печать въ этихъ странахъ служитъ для этихъ своевластныхъ партій органомъ. Печать въ этихъ странахъ не есть выраженіе совѣсти свободной отъ власти и не замѣшанной въ интересы борющихся за нее партій. Каждый изъ этихъ органовъ имѣетъ своимъ назначеніемъ способствовать успѣху своей партіи, и заботится не о томъ, чтобы раскрыть и разъяснить дѣло, а чтобы запутать и затемнить его. Въ Россіи же, гдѣ такихъ партій не имѣется, именно и возможны совершенно независимые органы. Отъ пра-

вительства печать въ Россіи, по существу своего учрежденія, зависима лишь въ томъ смыслѣ въ какомъ все, во всякой странѣ, находится въ зависимости отъ предержащей власти, дающей законы, ихъ исполняющей и бодрствующей надъ ихъ исполненіемъ. Это правда, что спеціально установленныя правительственныя власти обязаны наблюдать за направленіемъ печати въ Россіи, но точно также какъ правительственныя же власти обязаны наблюдать за порядкомъ и благочиніемъ на публичныхъ путяхъ и ограждать общественную безопасность. Только въ такомъ общемъ смыслѣ печать въ Россіи зависима отъ правительства. Что не противно законамъ и учрежденіямъ страны, что не оскорбляетъ общественной нравственности, что не служитъ орудіемъ обмана и насилія, то имѣетъ право высказываться, и высказывается съ совершенною независимостію. Правительство, говорятъ, въ Россіи всесильно; оно можетъ де по своему усмотрѣнію наложить запретъ на всякое мнѣніе, хотя бы и законное, но ему неугодное. Но что такое „правительство“ и что такое „можетъ?“ Лицамъ находящимся во власти не все всегда нравится и многое можетъ казаться неудобнымъ. Но слѣдуетъ ли отсюда чтобъ они считали себя въ правѣ дѣлать все, что каждому изъ нихъ въ данный моментъ нравится и нарушать законный порядокъ по личному усмотрѣнію? „Можетъ!“ Всякій можетъ сдѣлать многое, что запрещается и закономъ, и нравственностію, и честію, но не все такое въ благоустроенномъ обществѣ дѣлается, такъ что мы безопасно ходимъ по улицамъ, не подвергаясь разбойничьимъ нападеніямъ. Въ государствѣ какъ Россія, сохранившемъ непоколебимую, безспорную и священную власть, лица облеченныя ея полномочіями менѣе чѣмъ гдѣ-либо въ правѣ насиловать законную свободу и прибѣгать ко лжи и обману, которые служатъ обычнымъ средствомъ правительствъ въ странахъ такъ-называемыхъ конституціонныхъ. Если что-либо подобное у насъ бываетъ, то это не правило, на которое наши заграничные друзья могли бы ссылаться, а нарушеніе правила, роняющее достоинство власти.

Но мы сказали не все; наша рѣчь еще впереди. Говорятъ, что Россія лишена политической свободы: говорятъ, что хотя русскимъ подданнымъ и предоставлена законная гражданская свобода, но что они не имѣютъ правъ политическихъ. Русскіе подданные имѣютъ нѣчто болѣе чѣмъ права политическія, они имѣютъ политическія обязанности. Каждый изъ русскихъ подданныхъ обязанъ стоять на стражѣ правъ Верховной Власти и заботиться о пользахъ государства. Каждый не то что имѣетъ только право принимать участіе въ государственной жизни и заботиться о ея пользахъ, но призывается къ тому долгомъ вѣрноподданнаго. Вотъ наша конституція. Она вся безъ параграфовъ содержится въ краткой формулѣ нашей государственной присяги на вѣрность. Вотъ наши политическія гарантіи. Какое же правительство, не потерявшее смысла, можетъ отнимать у людей право исполнять то, что велитъ имъ долгъ присяги? Надобно только, чтобы мы поняли эту конституцію нашу во всей ея силѣ и умѣли бы ею пользоваться должнымъ образомъ въ устройствѣ и веденіи нашихъ дѣлъ. Когда не было на свѣтѣ русской политической печати, не могло быть и рѣчи о ея обязанностяхъ. На свѣтъ же могла она явиться только какъ новый, особый, требуемый временемъ способъ исполненія всеобщей обязанности радѣть о пользахъ Престола и Отечества, ни въ чемъ не раздѣляя ихъ, дабы держаться на твердой почвѣ и не теряться въ безплодныхъ и опасныхъ отвлеченностяхъ. Другаго смысла узаконенная въ Россіи политическая печать, обнимающая въ

своемъ кругозорѣ всѣ вопросы государственной жизни, имѣть не можетъ. Всякій, кто за это дѣло въ Россіи серіозно берется, долженъ сугубо принять на свою совѣсть долгъ русскаго подданнаго. Для него исполненіе этого долга по совѣсти перестаетъ быть случайностью и становится признаніемъ. Онъ долженъ быть готовъ не только давать отпоръ злу, когда оно само представится, но и выслѣживать его гдѣ бы оно ни гнѣздилось и какую бы личину ни принимало. Его долгъ доискиваться правды во всемъ и раскрывать ее не смущаясь ни предъ чѣмъ, не допуская никакого лицепріятія, не вступая ни въ какіе торги съ совѣстью, не давая сбить себя никакими прельщеніями, съ одной стороны, никакими вынужденіями, съ другой. Вотъ какимъ долженъ быть серіозный политическій органъ въ Россіи. Это не есть путь власти или ко власти; это путь службы по совѣсти.

Никто не обезпеченъ отъ ошибокъ и увлеченій, но за то ничьи мнѣнія, въ печати или не въ печати высказанныя, ни для кого не обязательны, тѣмъ менѣе толки частныхъ лицъ для власти, которая у насъ одна и нераздѣльна, и въ своихъ рѣшеніяхъ безусловно свободна. Ея верховнымъ рѣшеніямъ русскіе люди покоряются безропотно, какихъ бы жертвъ отъ нихъ ни требовалось. Но въ виду шага опаснаго не для частныхъ интересовъ, а для самой власти, для великаго цѣлаго, которому мы должны служить самоотверженно, хорошо ли при полномъ убѣжденіи оставаться безъ дѣйствія, не стараясь всѣми способами къ раскрытію дѣла и къ предотвращенію вредныхъ послѣдствій. Правительству полезно быть въ непрерывномъ общеніи съ жизнію и прислушиваться къ сужденіямъ съ точки зрѣнія своей страны. Было бы очень дурно, еслибы лица во власти слышали только то, что говорятъ чужіе люди, не желая

знать, что думаютъ и чувствуютъ свои. Привыкая къ чужимъ воззрѣніямъ и руководясь чужими оцѣнками, лица у дѣлъ, сами того не замѣчая, могутъ очутиться въ лагерѣ враговъ своей страны, и великодушно уступать интересы имъ ввѣренные. Примѣры такого невиннаго предательства, увы, очень нерѣдки...

Заграничные друзья наши, требующіе почтительнаго молчанія русской печати по международнымъ вопросамъ, должны знать, что она не въ правѣ молчать и по дѣламъ домашнимъ, тѣмъ менѣе извинительно ей хранить предательское равнодушіе при игрѣ, которую ведутъ съ Россіей иностранныя правительства. Еслибъ иностранныя правительства, въ самомъ дѣлѣ, позволили себѣ вмѣшаться въ наши внутреннія дѣла, то мы сказали бы имъ: если вы, какъ говорите, не имѣете права контроля надъ самовластными партіями въ конституціонныхъ странахъ вашихъ, то въ Россіи правительство еще менѣе можетъ препятствовать людямъ въ исполненіи ихъ государственнаго долга. Къ иностраннымъ же правительствамъ частныя лица никакого отношенія имѣть не должны, и ничѣмъ предъ ними не обязаны *).

12

Духовная цензура.

1.

Полезна ли цензура? Вопросъ этотъ рѣшенъ цивилизаціей всѣхъ народовъ: онъ достаточно рѣшается и нашимъ собственнымъ опытомъ. Цензура не предотвращаетъ никакаго зла, а только прикрываетъ его и дѣ-

*) 1886 г. № 341.

лаетъ ядовитѣе; но несомнѣнно то, что она подавляетъ жизнь ввѣряемую ея охранѣ, что она убиваетъ тѣ самые интересы, которые берется ограждать отъ вреда и ущерба.

Духовная цензура не спасла нашего народа отъ развитія раскола, который расплодился во множествѣ сектъ отступающихъ не только отъ православія, но и отъ самыхъ основаній христіанства. Она не спасла нашего общества отъ ученій отрицательныхъ, доходящихъ до грубѣйшаго матеріализма и атеизма. Мы должны съ прискорбіемъ сознаться въ этомъ. Это фактъ заявленный официально. Злодѣяніе 4-го апрѣля раскрыло всю бездну этого зла, правительство имѣло возможность измѣрить ее. Къ чему же послужила цензура, которая такъ безусловно и съ такою нигдѣ и никогда не слыханною строгостью властвовала у насъ? Она не подавила зла, но подавила религіозный интересъ въ нашемъ образованномъ обществѣ; система запрета, которой цензура есть существенная часть, погрузила народъ нашъ въ духовное омертвеніе. Какъ ни прискорбно это, но мы должны сознаться и въ этомъ. Духовное начало и христіанское просвѣщеніе не въ избыткѣ развиваются у насъ. Духовная область рѣзко отдѣлилась отъ нашей жизни, мысли, науки, и стала для всего дѣломъ внѣшнимъ. Нѣтъ у насъ живаго исканія истины, безъ котораго она не дается; убѣжденіе является у насъ напраснымъ излишествомъ; и всякое слово, во имя разума сказанное въ интересѣ вѣры, встрѣчается недовѣріемъ, и само падаетъ лишенное полета и бодрости, которыя только независимость можетъ сообщить нашему слову.

Церкви принадлежитъ цензура, но не въ смыслѣ полицейскаго учрежденія. Церковь наставляетъ, просвѣщаетъ и учитъ. Она дѣятельно распространяетъ то, что

находитъ полезнымъ; она одобряетъ то, что согласно съ ея ученіемъ; она допускаетъ то что не противорѣчитъ ей; она изобличаетъ сомнительное и ложное. Въ этомъ выражается живая дѣятельность церкви, и безъ этого она превращается въ бюрократическій механизмъ лишенный внутренняго движенія духа. Наша духовная скудость и безплодіе объясняется не чѣмъ инымъ, какъ системой запрета, которая у насъ господствовала, и которая вредитъ всего болѣе дѣлу самой церкви *).

2.

Духовная цензура, понятая въ обширномъ значеніи, какъ характеристическая формула цѣлой системы, есть быть-можетъ самая глубокая причина того нравственнаго безсилія, того безплодія и мертвенности, въ которыхъ упрекаютъ нашу народность и въ которыхъ наша интеллигенція такъ охотно сознается то съ прискорбіемъ, то съ возмутительнымъ злорадствомъ. Невольно чувствуется, что въ нашей жизни чего то не достаетъ, что во всѣхъ ея проявленіяхъ и развитіяхъ отсутствуетъ именно то, что во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ всего важнѣе и существеннѣе. Чего же не достаетъ? Не достаетъ внутренней стороны въ каждомъ дѣлѣ, не слышно присутствія свободнаго духовнаго начала. Все совершается какъ будто помимо убѣжденія и воли, путемъ установленнаго механизма, и ни къ чему не призываются тѣ свободныя нравственныя силы, которыя всему человѣческому сообщаютъ истинную реальность и красоту. Вездѣ и во всемъ чувствуется, что духовная жизнь наша, въ самыхъ глубокихъ источникахъ

*) 1869 г. № 178.

своихъ находится подъ запретомъ. Вотъ почему все что ни дѣлается у насъ является малосильнымъ, непроизводительнымъ, только наружнымъ. Вотъ почему мы не замѣчаемъ въ нашей жизни того творчества, которое знаменуется дорогими для человѣчества пріобрѣтеніями, и вотъ почему мы такъ часто теряемъ вѣру въ себя и готовы бываемъ сами налагать руку на свою народность...

Мы гордимся обладаніемъ церковью восходящею ко временамъ апостольскимъ. Неумѣстная гордость! Въ этомъ нѣтъ нашей заслуги, а напротивъ, при взглядѣ на окружающее, это должно располагать насъ не столько къ гордому чувству достоинства, сколько къ смиренному сознанію своихъ недостатковъ. Мы, съ своей стороны, весьма мало сдѣлали для того чтобы возвеличить и прославить вѣру Христову. Она таится у насъ подъ спудомъ и на насъ тѣмъ тяжеле лежитъ отвѣтственность за безсиліе и бездѣйствіе духовнаго начала въ нашей средѣ. Наши массы коснѣютъ въ невѣжествѣ и духовномъ мракѣ; наше образованіе поверхностно и лишено самостоятельности; интересъ истины, знанія, убѣжденія, ни въ чемъ не господствуетъ и ничего не рѣшаетъ. Какъ во всемъ, такъ и въ вопросахъ духовнаго свойства мы пользуемся отблескомъ чужой мысли, не обрѣтая въ себѣ ни потребности, ни силы пролагать собственные пути. И это весьма естественно когда самое начало духовной жизни находится у насъ подъ запретомъ и лишено свободнаго движенія. Потому-то мы такъ и равнодушны къ умственному дѣлу и такъ мало заботимся о томъ, чтобы поднять уровень нашего образованія. Если человѣческое разумѣніе лишено свободнаго доступа къ области своихъ высшихъ интересовъ, то оно и во всемъ остальномъ не можетъ обнаруживать должную энергію; оно по необходимости

поверхностно и безплодно во всѣхъ своихъ проявленіяхъ. Если духовное начало лишено свободы, то это значитъ что оно лишено жизни и дѣйствія, ибо свобода есть не что-либо для него внѣшнее и случайное, а самая сущность его.

Исторія цивилизаціи обильна уроками, и она убѣдительно свидѣтельствуетъ что никогда система запрета, которая выражается въ цензурѣ, не была способна къ предотвращенію зла, но что напротивъ она обладаетъ страшною силой къ подавленію жизни въ самыхъ лучшихъ ея стремленіяхъ, въ самыхъ священныхъ ея интересахъ. Она всего вѣрнѣе можетъ только обезсилить и убить тотъ самый интересъ, который ввѣряется ея охранѣ. Духовная цензура не предохранила ни отъ ересей нашу церковь, ни отъ безвѣрія наше общество. Она имѣла своимъ послѣдствіемъ только то, что у насъ произошелъ глубокій и пагубный разрывъ между свѣтскимъ образованіемъ и церковью.

Цензура всегда имѣетъ въ основаніи своемъ недовѣріе ко внутренней силѣ и истинѣ того самаго дѣла, которое она охраняетъ, и чѣмъ выше это дѣло, тѣмъ рѣзче и глубже ея противорѣчіе самой себѣ и тѣмъ вреднѣе ея дѣйствіе. Естественно опасаться за какіе-либо общественные порядки временнаго значенія, случайные и навязанные, и весьма естественно что такого рода интересы нуждаются въ дѣятельной внѣшней охранѣ. Но что всю цѣну свою полагаетъ въ истинѣ, что непреложно и непобѣдимо, то должно быть предоставлено своей внутренней силѣ, и всѣ наши заботы должны клониться только къ тому, чтобы сила эта была развязана и могла проявить себя. Чего бояться? Все ложное своимъ обнаруженіемъ и развитіемъ только изобличитъ себя, а что въ основаніи своемъ имѣетъ долю истины, то можетъ ли повредить ей? И то и другое,

при свободномъ движеніи мысли, послужитъ только къ раскрытію истины и оживотворенію умовъ.

Снятіе запрета съ высшихъ потребностей человѣческой жизни и разумѣнія было бы великимъ шагомъ въ нашемъ народномъ развитіи. Это было бы событіемъ достойнымъ великихъ преобразованій нашего времени, и оно не осталось бы безъ живительныхъ послѣдствій для этихъ преобразованій и для тѣхъ нравственныхъ силъ, которыя призываютъ ими къ дѣйствію. Это было бы истинною эпохой какъ въ жизни церкви, такъ и въ исторіи нашего народнаго просвѣщенія. Это всего вѣрнѣе и успѣшнѣе побудило бы насъ заняться улучшеніемъ нашихъ церковныхъ порядковъ и столь глубоко пренебреженнымъ у насъ дѣломъ воспитанія. До сихъ поръ мы только дилеттантствовали въ дѣлѣ науки и просвѣщенія, а когда духовная жизнь наша будетъ развязана, тогда мы почувствуемъ истинную потребность въ серіозномъ и правильномъ умственномъ воспитаніи. Наши заботы о просвѣщеніи найдутъ себѣ твердую почву и то одушевленіе котораго теперь не достаетъ имъ и безъ котораго они не могутъ имѣть ни достаточной чуткости въ выборѣ средствъ, ни достаточной энергіи въ достиженіи цѣлей.

Новая мѣра, которую мы теперь привѣтствуемъ, вмѣстѣ со столькими другими принятыми въ послѣдніе годы, свидѣтельствуетъ что наше высшее церковное управленіе стоитъ на высотѣ требованій своего времени, и многіе знаменательные признаки убѣждаютъ, что для церкви нашей дѣйствительно наступаетъ новая и болѣе славная пора *).

*) 1870 г. № 28.

3.

По случаю общаго пересмотра дѣйствующаго у насъ положенія о печати, какъ извѣстно, поднятъ вопросъ и о духовной цензурѣ, которой еще не коснулось наше новое законодательство. Въ самомъ дѣлѣ, духовная цензура представляетъ вопіющую аномалію посреди законодательства признавшаго несостоятельность цензуры. Одно изъ двухъ: либо законодательство прискорбно ошиблось, отмѣнивъ предварительную цензуру, либо духовная цензура должна быть отмѣнена, какъ и свѣтская.

Между духовною и свѣтскою областью, въ дѣйствительности, нѣтъ черты, которая бы раздѣляла ихъ. Одно входитъ въ другое, и интересы находящіеся въ вѣдѣніи свѣтской цензуры такъ же важны, какъ и тѣ, что находятся подъ спеціальнымъ блюденіемъ духовной цензуры. Если цензура дѣйствительно обезпечиваетъ и ограждаетъ ввѣряемые ей интересы, то какъ же лишать этой спасительной охраны всю нравственную и умственную жизнь общества поскольку она находитъ себѣ выраженіе въ печати? Удерживая цензуру только для той, относительно малой области, которая именуется духовною, мы ничего этимъ не достигаемъ, ибо духовный интересъ, при которой перемѣнѣ выраженія, можетъ легко ускользнуть отъ церковнаго надзора. Весьма естественно, что при такомъ внутреннемъ противорѣчіи законодательства, ничего хорошаго произойти не можетъ...

Нѣтъ, несостоятельность цензуры есть дѣло окончательно рѣшеное. Возвратиться къ ней невозможно, и упорствовать въ ней грѣшно. Это не просто теоретическое убѣжденіе, о которомъ можно еще спорить; это

всеобщій историческій опытъ, это фактъ къ которому повсемѣстно пришла исторія цивилизаціи. Цензура есть несравненно большее зло, чѣмъ всякое другое, которое имѣетъ быть предотвращаемо или искореняемо ею. Цензура есть то лѣкарство которое причиняетъ несравненно болѣе опасныя и разрушительныя болѣзни, чѣмъ тѣ противъ которыхъ оно администруется. Говоря о цензурѣ, мы разумѣемъ этотъ принципъ въ его самомъ обширномъ значеніи, не ограничиваясь его спеціальнымъ примѣненіемъ къ печати. Все, что въ видахъ предупрежденія зла поражаетъ самую силу дѣйствія, самую жизнь въ ея источникѣ, самую совѣсть въ ея свободѣ, есть именно то зло, о которомъ мы говоримъ и которое не искупается никакими выгодами *).

*) 1870 г. № 65.

Оглавленіе.

	Стр.
Вмѣсто предисловія.	3–6
1. Истинный смыслъ свободы печати	7
2. Свобода печати.	14
3. Право публичнаго обсужденія государственныхъ вопросовъ есть служеніе государственное	16
4. Признаки возвращенія печати къ прежнему стѣсненному положенію	19
5. Правительственныя пособія въ печати	21
6. Права данныя русскому гражданину закономъ о печати 6-го апрѣля 1865 г.	25
7. Либеральная цензура.	37
8. Польза предварительнаго обсужденія въ печати предполагаемаго законодательнаго акта	41
9. Независимость русской печати	42
10. Права и обязанности печати	44
11. Независимость печати	46
12. Духовная цензура.	51